

Единообразие против единства

Т.Б. Любимова

Институт философии РАН, Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-54-72

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

Вопрос о том, можно ли философствовать вне категорий рационалистической философии, не сводится только к методологии. В нем есть идеологический подтекст. А именно: рационализм, сложившийся в философии в Новое время, после Декарта, неизбежно дополняется механицизмом. Мир рассматривается как машина, живое сводится к механизмам. Рационализм становится машиной ментальности. Принимая его за образец нормального мышления, придавая ему универсальную ценность, мы тем самым навязываем другим культурам западный способ мышления. Вопрос, таким образом, стоит не о методе научного знания, а о власти, реализуемой через преобразования ментальности. Научное знание завоевывает пространство. Философия производит преобразования ментальности. Новый рационализм, считает Г. Башляр, находится в диалектическом отношении с привычным реализмом естественных наук. В этом процессе происходит реализация новых схем, вырабатываемых в сложном взаимодействии рации и эксперимента. Современная наука есть коллективное творчество новой реальности. Это реальность «картины мира». Существует другой взгляд на науку, рационализм и современную философию. Согласно ему, рационализм есть дуализм, атоанизм и в социальном плане индивидуализм. В этих чертах проявляется антитрадиционный и антиметафизический дух современной западной цивилизации. Традиционный подход – это недвойственность, единство, обеспечиваемое метафизическими принципами. Для нового рационализма в науке характерна вера в бесконечный прогресс знания. Но само это знание, с точки зрения традиции, лишено неизменной ценности. Философия использует категории древнегреческой философии или немецкой классической философии, но они не могут считаться универсальными. Они соответствовали не только времени и месту, условиям, в которых они возникли, но и характерному менталитету создававших их народов и конкретных личностей. Для понимания метафизических доктрин традиционных культур они не подходят. Язык традиционных культур символический и синтетический в отличие от аналитического языка западной науки и философии.

Ключевые слова: рациональность, наука, философия, традиция, Г. Башляр, М. Вебер, ментальность, истина, культура, единство.

Любимова Татьяна Борисовна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора философских исследований идеологических процессов Института философии РАН.

tat-lub@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6122-8434>

Для цитирования: Любимова Т.Б. (2019) Единообразие против единства // Философские науки. 2019. Т. 62. № 7. С. 54–72.

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-54-72

Uniformity vs. Unity

T.B. Lyubimova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-54-72

Original research article

Abstract

The question of whether it is possible to philosophize outside the categories of rationalist philosophy is not limited to methodology. It has ideological overtones. Namely, the rationalism that has developed in philosophy in modern times, after Descartes, is inevitably supplemented by mechanics. The world is seen as a machine, the living is reduced to mechanisms. Rationalism becomes a machine of mentality. Taking it as a model of normal thinking, giving it a universal value, we thereby impose Western way of thinking on other cultures with a different mentality. The question, therefore, is not about the method of scientific knowledge but about the power realized through the transformation of mentality. Scientific knowledge conquers space. Philosophy produces a transformation of mentality. New rationalism, according to G. Bachelard, is in dialectical relation with the usual realism of the natural Sciences. In this process, there is the implementation of new schemes developed in the complex interaction of “ratio” and experiment. Modern science is the collective creation of a new reality. This is the reality of the “picture of the world.” There is another view of science, rationalism and modern philosophy. According to him, rationalism is dualism, atomism and social individualism. These features reveal the anti-traditional and anti-metaphysical spirit of modern Western civilization. The traditional approach is non-duality, unity provided by metaphysical principles. The new rationalism in science is characterized by the belief in the infinite prog-

ress of knowledge. But knowledge itself, from the point of view of tradition, is devoid of great value. Philosophy uses categories of ancient Greek philosophy or German classical philosophy, but they cannot be considered universal. They corresponded not only to the time and place, the conditions in which they arose, but also to the characteristic mentality of the peoples and individuals who created them. They are not suitable for understanding the metaphysical doctrines of traditional cultures. The language of traditional cultures is symbolic and synthetic in contrast to the analytical language of Western science and philosophy.

Keywords: rationality, science, philosophy, tradition, G. Bachelard, M. Weber, mentality, truth, culture, unity.

Tatyana B. Lyubimova – D.Sc. in Philosophy, Leading Research Fellow at the Department of the Philosophical Studies of Ideological Processes, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

tat-lub@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6122-8434>

For citation: Lyubimova T.B. (2019) Uniformity vs. Unity. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 62, no. 7, pp. 54–72. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-54-72

Введение

Мы рассматриваем вопрос о предполагаемой универсальности категорий западной рационалистической философии. Он не сводится только к методологии. В нем есть идеологический подтекст. А именно: рационализм, сложившийся в философии в Новое время, после Декарта, неизбежно дополняется механицизмом. Мир рассматривается как машина, живое сводится к механизмам. Рациональное мышление становится машиной ментальности. Принимая его за образец нормального мышления, придавая ему универсальную ценность, мы тем самым навязываем другим культурам западный способ мышления. Таким образом, стоит вопрос не о методе научного знания, а о власти, реализуемой через преобразования ментальности. Рационализм укоренен в ментальности представителей той или иной культуры, поэтому типы его различаются, что не дает оснований для предпочтения того или иного типа рациональности. Это более объемное понятие, однако оно позволяет рассматривать проблему и в более широком контексте.

Макс Вебер, может быть, самый объективный исследователь рационализма, считал, что истоком его была Индия, а отнюдь не Древняя Греция. Интересно, что совсем не сторонник социоло-

гического подхода Рене Генон полагал, что логика Аристотеля имеет те же корни. Именно в Индии впервые в истории развились «техники» аскетизма, теории и практика созерцательной жизни. Именно отсюда они распространились по всему миру. Это реальные рационализации производили отвлеченные от непосредственной включенности в течение жизни нормы и ценности, основу религиозной этики и «мирской аскезы». Но когда речь идет о современной западной ментальности, то имеют в виду рационализм после Декарта.

Получается, что именно этот образец философствования признается нормальным и соответствующим природе человеческого разума. Под словом «разум» подразумевается западное понимание разумности как некоей строгости, точности, целесообразности, соответствия нормам мышления. Нормы эти в свою очередь тоже имеют образец в западном мышлении. Идея нормативности мышления, как и более общая идея нормы, расширяется при этом до характеристики культуры; отсюда один шаг до того, чтобы считать одни культуры (и народы!) нормальными, а другие – не очень. И еще один шаг до навязывания избранной нормы другим, переход от констатации к долженствованию, уровню юрисдикции, праву и господству. При этом отрицать нормативный аспект любой культуры вообще невозможно, она и есть нормативная система, но только одна ее сторона обращена к социуму, фиксирует и регулирует образцы социального действия, а другая сторона этой системы допускает произвольные изменения. Можно сказать, что это два самых общих параметра странного объекта. Все меняется, кроме самой изменчивости.

Культура как нормативная система представляет собой множество способов овладения изменчивостью. Скорость перемен разная, ритмы разномасштабные, пересечения всего со всем производят некие «силовые линии», подобно кругам на воде.

Рациональность, когда ее рассматривают как образец, обретает черты юрисдикции, т.е. нормативности. Распространение западного образца юрисдикции на незападные сообщества, очевидно, могло быть только насильственным и разрушительным для традиционных обществ. По аналогии можно предположить, что и распространение западного типа рационалистической философии тоже носит принудительный и разрушительный характер. За убеждением в универсальности западного типа рациональности скрывается нечто другое.

Фаустовская культура

Если вне западной парадигмы рациональности нет настоящей философии, то *нельзя* философствовать иначе, произвольным образом. Это значит, что *должно* философствовать только в категориях аристотелевской логики и метафизики. В крайнем случае, наверное, можно использовать кантовские категории. А те доктрины, которые нам встречаются в других регионах и в другие эпохи, не есть философия в смысле нормального «зрелого» мышления. Получается, что метафизические доктрины Востока есть нечто отсталое, мешающее прогрессу. Людей, которые их придерживаются, надо образумить, т.е. привести к общему знаменателю, – пусть они говорят на нашем языке и не говорят на своем, для нас непонятном.

Рациональность есть специфическая характеристика и особая ценность западной европейской культуры. Возможно, что она связана не просто с устройством европейских языков, но и со способом чтения, ведь мы читаем «по линейке», следим за бегущей строкой, и вместе со строкой движется мысль. Эта линейная в прямом смысле логика определяет мышление, а значит, и ментальность вообще. Можно сказать, что это мышление анти-музыкально, хотя европейская нотная запись тоже линейная, но даже в ней можно записать многоголосие, помимо мелодии можно записать и аккорды, т.е. одномоментное звучание многих голосов. А мыслит композитор вообще не линейно. Утверждают, что такие великие композиторы, как Моцарт и Чайковский, слышали мысленно свое будущее произведение все целиком, запись, по сути, была аранжировкой. Некоторые великие дирижеры также во время концерта держат все произведение в памяти целиком. В истории существовали и существуют другие виды записи мысли, в том числе ненотной записи музыки. Макс Вебер в исследовании о рациональных основаниях музыки прекрасно показал, что «иррациональный» язык неевропейской музыки не переводится на язык европейской двенадцатитональной системы. Интересно, что теоретики музыки уже после принятия ислама строили свои теории по образцу западной системы, однако их теории никак не отражались на практике. Темперация не могла быть приспособлена, поскольку в «восточной» интервалы меньше и гораздо более «иррациональные» [Вебер 2016, 555–559]. Приспособление к западному музыкальному строю оказывается упрощением, поскольку эти интервалы невозможно без остатка уложить «в простую гамму».

Музыка есть исчисление души, она раньше относилась не к искусствам, а к наукам. Она аналог математики, и даже зоны мозга, отвечающие за способности к музыке и к математике, симметричны. Ноты аналогичны одновременно и математическим символам, и буквам, т.е. они фиксируют отдельный звук. Другие формы записи музыки, как и речи, должны быть адекватны другой ментальности. Пиктографическая письменность фиксирует не звуки, а синтезированную мысль. Традиционные символы суть мыслимые синтезы. Поэтому их чтение не бывает линейным, аналитическим, не переставая быть разумным.

Интересно отметить, что в противопоставлении целерационального действия и традиционного, по типологии М. Вебера, первое определяется через соответствие цели и средства, а второе – через соответствия средств неизменному образцу (ценностнорациональное действие не будем здесь рассматривать). Тогда западный образец рациональности, если его считать образцом и действовать в соответствии с ним, надо будет назвать традиционным. Но ведь в типологии действий он назван целерациональным в противоположность традиционному. Представляется, что у этих идеальных типов действия в типологии разные основания. Средства тоже подбираются по образцу из наличных, они отчасти тоже ритуальны, а цель для каждого действия занимает неизменное место. Если бы она тоже менялась по ходу действия, то такой режим действия был бы более адекватным в мире становления, коим и является наш мир изменчивой множественности. Традиционное действие тоже можно представить как целерациональное, ведь цель у него всегда есть, и она неизменна для каждого конкретного ограниченного действия, только цель эта не наглядная, поэтому адекватность средств (в предельном случае – ритуалов) извне может быть непонятна. Разумность этих традиционных символических действий соответствует другим критериям, с точки зрения которых западный тип целерационального действия есть безумие.

О. Шпенглер назвал европейскую культуру фаустовской, устремленной вдаль, стремящейся к расширению, желательного бескрайнему, завоеванию пространства и ускорению времени. Старинная легенда о Докторе Фаусте [Легенда о докторе Фаусте 1978] приобрела у Гете многогранное символическое значение. Этот символ расцвел и возвысился до философских небес. Мы помним, что «прекрасным мгновеньем» для Фауста стал момент торжества творческого, созидательного духа. Он *видит* плоды

своих трудов по преобразованию земли, строительству каналов, в общем, *очевидные* успехи научно-технического прогресса и проносит роковые слова. Умирает. И в это мгновение мы видим на сцене вместо радостно трудящихся на благо человечество людей лемууров (т.е. бесов), со смехом и издевками роющих могилу для Фауста. Но это внешний слой интерпретации символа. Перед этой сценой Фауст должен был для строительства светлого будущего расчистить площадку. А на площадке находился домик. Фауст без колебаний приказывает уничтожать его с лица земли. Что и происходит. В домике том жила престарелая пара (символ прошлого рода человеческого). Как правило, на этот момент интерпретаторы не обращают особого внимания или расценивают как жестокость «машин» научно-технического прогресса. Но ведь смысл этого эпизода в уничтожении *прошлого* вообще; предки – это традиция, традиция – это связь времен. Разрыв, столь решительный, с прошлым оборачивается разрывом с Небом. Ведь Фауст даже в народной драме, в кукольных комедиях и во всех последующих обработках этой легенды, будучи блестящим доктором богословия, встает на путь «науки» (интересно, что в одной из пьес у искушающего его духа, т.е. беса, имя – Аристотель). Правда, наука Фауста есть магия, чернокнижье, но какая уж была! Все великие ученые занимались «чернокнижеством». И Галилей, и Кеплер, и Тихо Браге составляли гороскопы и не только. Фауст был алхимиком, оставаясь под прикрытием, под маской богослова. Здесь важен момент жертвы всем ради «демонического» знания, каким до Нового времени считались элементы естествознания, смешанные с оккультизмом. Ученые были не только язычниками, но прежде всего слугами Сатаны. Философами называли алхимиков, астрологов и других знатоков священных наук. Запретное знание было одновременно и зловредным, и иллюзорным. Опасность этого «злого» знания видели, правда, в его духовном вредительстве, не рассматривая возможности преобразования «материи». Алхимические опыты изначально были для самих ученых великим делом, целью коего было преображение человека, социума и Вселенной, для христиан же – чернокнижеством и богохульством, а для простых людей – производством чудес [Lindsay 1986]. Если иллюзорность дел и их плодов в приведенном символе судьбы Фауста выставлена на первый план в некоторых народных сюжетах, то разрыв с традицией, понимаемой как связь времен, у Гете подмечен задолго до современных историков науки. Разрушается

не только связь времен, само разрушение становится мотором научного знания. Рационализм, позиционируя себя средством исправления (в праве), познания (в науке) и созидания (в технике), в сущности оказывается машиной разрушения. Хотя бы потому, что это машина. Неслучайно современный тип рационализма в науке и философии ведет свое начало от Декарта. Его рационализм есть в то же время механицизм, и производит он странную идею – все сводить к механическому движению.

Кстати, знаменитое «когито», хотя это глагол первого лица единственного числа, тем не менее в латыни, как впоследствии и в итальянском языке, употребляется без личного местоимения. Поэтому именно «я», «эго» приписывать к этому глаголу не вполне законно. Отсутствие местоимения в латинском языке, а это язык точный, может интерпретироваться иначе, чем мы привыкли. Ведь «я» только подразумевается, т.е. мнится. Стоит прочесть более точно: мнится, следовательно, существует. «Мнится мне» – это все равно что одновременно и снится, и мыслится, и кажется. Поэтому было бы точнее сказать: «Кажется – значит существует». Тогда это несомненно, и существует не как вещь, а как сомнение. Только тогда эта сентенция была бы по-настоящему замкнута на самой себе, без привнесения лишней вещи, «я», «эго». Сомневалось ведь не «я», сомнение есть состояние сознания, его раздвоенность, оно и есть мышление. Мышление, которое считается деятельностью сознания, всегда двойственно и другим быть не может, оно не может существовать без сомнения. Мышление как согласование с Божественным Разумом, как это считается в традиции и религии, когда человек наподобие радара принимает мысль, как композитор слышит произведение целиком и ему остается только записывать, – это умаление нашего «я», а значит и сомнения. Декарт тоже надеялся, что Бог его не обманывает, не ясно только, почему не обманывает только в избранных мыслях, а не вообще во всем?

Наверное, это было бы так, но наше «я» всегда готово нас обманывать, присваивая способность мыслить, чувствовать, совершать деяния, говоря вообще – быть субъектом, превращая мир в объект. А если мир – объект, то он машина, не надо никаких богов даже для избавления от сомнений. Небесная механика несовместима с миром, где «все полно богов». Теперь бог – это «я», а остальное – машина, ею надо управлять, ее надо исправлять, она во власти субъекта. Таковы следствия предположения, что

мыслит «я». Между прочим, это есть «ликвидация прошлого», т.к. даже у Аристотеля, а потом и у св. Фомы, у Гегеля ум, мысль, мышление имеет основанием самого (самою) себя. Ум, мысль – это самосущее, которое не требует никакого свидетеля («я») и свидетельства (очевидности). Конечно, эти великие люди мыслили рационально, но новый рационализм как будто сорвался с цепи: «Современную науку и ее революционные открытия можно во всех отношениях определить как *ликвидацию прошлого*» [Башляр 2016, 220]. Разрушительность научной точки зрения в отношении предшествующего знания в самой истории науки и научной рациональности, по мысли Г. Башляра, проявляется в постоянной трансформации «прошлого» науки. История непрерывно пересматривается, и наука тогда остается вечно новой, вечно молодой: «Философская позиция, которую я здесь утверждаю, конечно, трудна и опасна. Она содержит в себе разрушительный элемент: этот разрушительный элемент – эфемерный характер современности науки» [Башляр 2016, 226]. Но если выйти за границы «научной истории науки», применив ее же принцип «А почему бы и нет?», то эту точку зрения можно транслировать и на действие науки в ее приложениях в «реальном» мире, т.е. обнаружить переоценку «достижений» во всей истории культуры, взяв в качестве отправного пункта переоценку норм, на которые ориентировалась предшествующая ментальность.

Научный рационализм

М. Вебер в своем знаменитом докладе «Наука как призвание и профессия» утверждает, что прогресс науки есть часть общечеловеческого процесса интеллектуалистической рационализации, уходящего в бесконечность. Предпосылкой науки как *призвания* М. Вебер считал занятие наукой ради знания как такового, это такая же позиция, что и «искусство для искусства», ее же можно найти и в других институтах культуры. Что это означает с общей точки зрения? Вероятно, преобразование в системе норм и ценностей, поскольку вокруг обособившейся ценности и обеспечивающих ее норм и строятся институты. Наука в Греции, существовавшая ради полиса, стало быть, ради войны, это не та же самая наука, что в эпоху Возрождения, а значит и обеспечивается другой рационализацией, преследующей иную цель, – поиск пути к истинной природе. Понятно, что и в Средневековье была наука, но понимавшаяся как путь познания Бога.

Современная наука не имеет иллюзий относительно таких целей. Она строит картину мира и утверждает горизонты познания. В картине с перспективой на горизонте есть точка схода, фокусирующая схождение параллельных линий. Если «картина» могла бы быть прикреплена к реальности, то неевклидова геометрия была бы очевидностью. Но ни одна картина мира не прикрепляется на сколь угодно малое мгновение к реальности. Реальность мы мыслим самотождественной, пусть и недоступной для однозначного описания и понимания. Картина, оказывается, существует либо субъективно, либо в промежутке между субъектом и объектом как представление. Тогда точка схода на горизонте может интерпретироваться как наше «я», эго. Оно и существует, и в то же время – эфемерно, иллюзия. И как иллюзия не может ни сомневаться, ни производить мысли, мыслить.

Можно быть уверенным в существовании самого себя и своего «я», но нельзя воспринять «я» другого человека. Оно не имеет образа, в этом смысле оно не очевидно, не представлено нам пред нашими очами. Даже не ощутимо, как неощутима трансцендентальная апперцепция. Оно не объект, потому что не представимо, не субъект, потому что не имеет качеств, будучи точкой схода на горизонтах сознания. И как эта точка изменчива, перемещаясь в зависимости от позиции смотрящего вдаль, от расстояния до горизонта и даже от остроты зрения, так изменчиво(а) и я-точка. Но «если бы *cogito* было переведено в пассивную форму – в *cogitatur ergo est*, то разве активный субъект испарился бы вместе с неустойчивостью и неопределенностью впечатлений?» [Башляр 1987, 147]. В этом смысле рационализм «после Декарта» за точку отсчета принимает заведомо несуществующее, эфемерное, изменчивое и не самотождественное.

Изменение – это становление. Как не вспомнить «Книгу перемен»? Но там переменны вращаются вокруг неизменного принципа, *Тай-цзы*. Все бежит и вращается, но есть неизменная внутри себя сложная точка, из которой развертывает бесчисленное множество состояний. Таков традиционный принцип существования. Для современной ментальности, ориентированной на научную рациональность, этой точки нет ни как сущности, ни как субстанции. Их удалили, потому что не получалось стройного здания науки с рационалистической точки зрения.

Через изменения норм и ценностей идут преобразования в «реальном» мире. Сама наука, какова бы она ни была, –

традиционная священная или современная рациональная – в силу того, что «душа» науки есть математика, не создает и не отражает реальность, а создает и отражает лишь научную картину мира [Bognaglio 2018]. Однако приложения ее, т.е. проекция вовне, *создают* вторую реальность, техно-мир, «машину», причем одновременно машину реальную и идеальную. Идеальная машина ментальности – это и есть прогрессирующая рациональность. Чтобы был возможен прогресс рационализации, надо разорвать бесчисленные связи реальности (реальность – это буквально «вещность»), стремясь заменить сложившуюся целостность (прошлое) другой, более приемлемой для изменившихся условий существования. Значит, надо научиться думать, что мы способны вырезать из тотальной связности каждую вещь, что они существуют по отдельности, каждая сама по себе. Научная (физическая) реальность есть продукт рационального метода, дополняемого эмпирическим (экспериментальным). Только так и можно создать машину, которая действует как отделенная от всего вещь. Так, если говорить просто, мир рассыпается на бесчисленное множество индивидов, живых и неживых, атомов и галактик, разумных и лишенных разума существ и т.д. Вторичный синтез рассыпанных феноменов не может быть ничем, кроме машины.

Хотя позиционируется не декартовская эпистемология, на деле, становясь частным случаем, она остается ядром рационалистической активности [Bognaglio 2017]. Мы обучаемся определять, т.е. ограничивать вещи, как если бы они были определены «на самом деле». С вещами обращаются инструментально, в поисках новой целостности, удаленной в бесконечность. Характерно для научного стиля, что слово «инструмент» сейчас стало столь модным, заменяя собой пустоты мысли. В этом можно усмотреть определенный социально-культурный сдвиг: то, что в социологии называют инструментальным уровнем социума, должно быть «внизу», в любом случае не замещая собою символического уровня, т.е. уровня культуры. Это смешение уровней или даже их смещение есть симптом неравновесного состояния, как если бы пирамиде пришлось искать равновесия, стоя не на квадратном основании, а на своей вершине.

Инструмент не обязательно есть нечто материальное, это не эмпирическая вещь; математика ведь тоже инструмент рациональности, идеальная вещь, и в этом смысле она есть техника. Как квалифицировал математику И. Кант, она есть виртуозность разума

в отличие от философии, которая есть законодательство разума [Кант 1994, 489–490]. Философия в идеале должна полагать не только моральный и социальный закон, но и «космологический» (в наших переводах это «универсальный»). Если бы ей удалось это, то такую философию можно называть научной метафизикой.

Наука, сколь бы ни была она рационалистичной, еще не есть философия, она дистанцируется от морали, социума и метафизики; она тем более не нуждается в категориях универсальной метафизики. Поэтому все ее рационалистические конструкции попадают в бесконечное кружение диалектики «разума и опыта». Конструкции и инструменты порождают собственную феноменологию, которую Башляр охарактеризовал так: «Истинная научная феноменология есть в сущности своей феноменотехника» [Башляр 1987, 37]. Методология как техника мысли дополняется психологией, где дух индивидуален. Но потребность в метафизике все равно есть при любой рационалистической методологии: «Дух может изменить метафизику, но он не может обойтись без метафизики» [Башляр 1987, 168].

Рационализм с точки зрения учения о Единой Традиции

Рационализм и индивидуализм с точки зрения учения о единой духовной традиции считаются ошибками, с которых началось отклонение западной философии, а с ней и всей западной цивилизации от нормального пути человечества. Индивид понимается не столько в социальном плане, сколько в онтологическом, частным случаем коего можно было бы считать дискретность, но тогда элиминируется неделимость «частиц». А только в этом случае они могут быть тождественными, а следовательно, исчисляемыми. Их тождество эфемерно в силу возникающих парадоксов, о которых мы здесь не будем рассуждать. Парадоксы с необходимостью возникают в науке, поскольку она погружена в мир становления (множества как количества), не обращаясь к метафизическому уровню принципов. Единство в этом учении о традиции рассматривается не только как необходимая норма, как одна из ценностей в развертывании человеческой цивилизации (точнее говоря, множества сменяющих друг друга цивилизаций-эпох), но как духовная основа, удерживающая человечество от деградации и даже от гибели. Рационализм – это всегда дуализм, но это не значит, что утверждение о единой традиции иррационально, поскольку противопоставление «рационально – иррационально» здесь не имеет смысла.

Современный научный разум стремится к бесконечному прогрессу знания, а стало быть, цивилизации и человечества. Цель отодвигается за горизонт, оказывается довольно туманной. Меняется и понятие истины, она скользит по оси времени, мало-помалу добавляя достижения машины рационализации и реализации, создающей научную картину мира. Диалектика «реализм – рационализм», представленная Г. Башляром, демонстрирует относительность научных истин, их нестойкость, хотя методы науки, в особенности эксперимент, направлены на овладение временем. Никакие категории не в состоянии сохранить свою ценность и значение в этом потоке научного исследования. Аристотелевские категории и даже красиво распределенные 12 (подобно временам года) категорий Канта тоже отодвигаются в тень, подобно евклидовой геометрии или ньютоновой механике, теряя свою бывшую универсальность и становясь частным случаем в новой теории, объемлющей их и новшества. Утверждение незыблемости категорий опровергается их фактической изменчивостью. Как у всех слов, у них тоже плавающие значения. Такой же плавающей следует признать истинность правил, базирующихся на их основании. Утверждается истинность и незыблемость правил рациональности, действовавших в том или ином состоянии научного процесса, но они интерпретируются и не транслируются без изменения ни в будущее науки, ни в другие типы ментальности, кои живут по другим правилам и с другими понятиями.

Рациональность относится к ментальному уровню, но не к высшему интеллекту или другим возможностям человека. Рациональность и есть машина ментальности. Помимо ментального уровня могут быть раскрыты многие другие уровни наших познавательных способностей, о которых в «затемненном» состоянии, т.е. в состоянии *незнания*, человек даже не догадывается.

Историческое начало философии как таковой полагают в античной Греции. Эта мысль постоянно воспроизводится вслед за Гегелем. До XVIII в. никто так не думал. Для Гегеля центрировать процесс философствования в античной Греции было естественно. В действительности греческая философия питалась и весьма активно из древних источников, многие философы путешествовали в Египет, Персию, вплоть до Индии. Надо ли напоминать, что Пифагор был родом из Сирии, а знаменитая теорема Пифагора была там и вообще на Востоке широко известна. Как, впрочем, и другие знания. Мы проводим границы в прошлом так, как нам

теперь кажется правдоподобным, исходя из наших представлений о знании. Человек всегда понимал прошлое из настоящего, и у него нет другой возможности, а в настоящем он руководствуется сегодняшними нормами и ценностями, а прошлые или вообще иные обесцениваются.

Если принимается точка зрения, что Запад есть «центр мира» и для философии тоже, то относительно традиционных метафизических (восточных) доктрин есть два варианта. Либо не считать их философией, либо допускать, что они находятся на пути становления подлинной философии, до которой они еще не доросли. В наших историях их называют философией. Если принимается вторая точка зрения, то тогда утверждается, что философия – это наука. Она должна быть глобальной, общезначимой, следовательно, универсальной, следовательно, истинной. Следовательно, господствовать, покорить мир. Следовательно, *язык* (категории) западной философии тоже универсален и истинен. Но язык не есть слова, собранные в словарях и энциклопедиях. Язык – это оболочка мышления. Слова – это тоже символы. Математический язык тоже символичен, а если вспомнить традиционную и древнюю идею чисел, то эта символическая его роль и есть настоящее предназначение этой формы языка. Математика есть наиболее удобный инструмент для выражения метафизических идей. По сути, все удивительные знания древности выражались математически при условии, что мы не упускаем значение любой священной науки быть опорой для восхождения к высшему знанию. Что и было в пифагорейской школе, где математика была ступенью посвящения, но не его целью. Для нас же она стала знанием как таковым. Однако даже Эйнштейн понимал, что математика не имеет отношения к реальности, но мы не верим ему в этом. Если же считать, что Слово Творца было математическими значками, то творение было бы только абстракцией. Но «Слово, Логос, – это одновременно и Мысль, и Речь, это божественный интеллект, являющийся “основанием возможностей”»; по отношению к нам он обнаруживается через Творение, где в актуальном существовании реализуются те самые возможности, которые, в качестве сущностей, содержатся в Нем целую вечность... Если Слово есть с внутренней стороны мысль, а с внешней – Речь, и если мир есть следствие Божественной Речи, произнесенной в начале времен, то вся природа может считаться символом сверхъестественной реальности» [Генон 2013в, 10–11].

За простым утверждением универсальности языка и способа мышления западной философии стоит вопрос о власти и господстве. Власть реализуется прежде всего через ментальное доминирование. Переформатирование ментальности других народов – это первый шаг экспансии, предваряющий реальное доминирование: чтобы покорить, надо соблазнить. Чем же? Внушением того, что все, что производит «машина», как материальная, так и идеальная (научная рациональность), дает великие преимущества. Достигается эта иллюзия за счет нивелирования различий, т.е. сведения всех качеств к единообразию, в конечном счете к количеству. И этот процесс распространяется на весь мир. В единообразии не может быть подлинного единства, а только чисто внешнее, нормативное и насильственное.

С точки зрения Единого, смысл существования науки вообще, а значит и всех ее инструментов, включая рациональность, логику и категории, не в самодостаточности познаний феноменов мира становления: «Наши современники... охотно хвалятся тем, что посредством своей профанной концепции науки сделали ее независимой от метафизики, даже от теологии, тогда как истина в том, что они тем самым лишили ее всякой реальной ценности познания. Более того, если бы была понята необходимость соединить науку с принципами, тогда, разумеется, не было бы никакой причины ее придерживаться, и мы вполне естественно вернулись бы к традиционной концепции, согласно которой частная наука, какой бы она ни была, имеет значение не сама по себе, а благодаря возможности использовать ее как “опору” для восхождения к познанию высшего порядка» [Генон 2013б, 268]. Если бы наука осознавала свою связь с принципом, то было бы ясно, что надо сделать, «чтобы вернуть науке, изуродованной и искаженной профанными концепциями, ее ценность и реальное значение» [Генон 2013б, 268].

Как можно понять этот принцип, к которому все должно быть прикреплено в нормальном состоянии мира? Это принцип недвойственности, если отправляться от мира множественности, или, если идти «от начала», принцип единства. Приведем в этой связи одну лишь часть довольно длинного и очень изящного рассуждения о принципе, которое очень жалко было сокращать, но пришлось, учитывая восприятие читателей: «Не может быть ничего, чего не было бы в принципе; но каков этот принцип? И имеется ли на самом деле лишь единственный Принцип всех

вещей? Если рассматривать Вселенную в целом, то вполне очевидно, что она содержит в себе все вещи, так как все части содержатся в Целом; с другой стороны, Целое неизбежно безгранично, так как, если бы оно имело границу, то, что находилось бы за пределами этой границы, не было бы включено в Целое, и такое предположение абсурдно. То, что не имеет границы, может быть названо Бесконечностью, и поскольку она содержит в себе все, эта Бесконечность и есть принцип всех вещей. Впрочем, бесконечность неизбежно одна, так как две Бесконечности, которые были бы тождественны друг другу, друг друга бы исключали; отсюда следует, что имеется лишь один единственный Принцип всех вещей, и этот принцип есть Совершенство, так как Бесконечность может быть таковой лишь в том случае, если есть Совершенство. . . Тогда, поскольку есть лишь один единственный Принцип, чем становятся все противоположности, которые обычно усматриваются во Вселенной: Бытие и Небытие, Дух и Материя, Добро и Зло?» [Генон 2013а, 13–14]. И этот же вопрос в более общей форме выглядит как вопрос о том, как Единое может произвести Двойственное: «Именно роковая иллюзия Дуализма и реализует Добро и Зло, иллюзия, которая, рассматривая вещи с обособленной точки зрения, заменяет Единое Множественным и заключает таким образом существа, над которыми она властна, в области смешения и разделения; эта область и есть Империя Демиурга» [Генон 2013а, 17–18]. Существо, заключенное в индивидуальной форме и ограниченное ею, различает Добро и Зло, отделяя их от себя. Демиург предстает тогда перед человеком как внешняя сила, противящаяся его желаниям, будучи на самом деле лишь проекцией его собственных желаний. И это нечто внешнее, противящееся усилиям выйти из этой замкнутой индивидуальной области, называется человеком Сатаной или Врагом. Мы видим при традиционной точке зрения подлинную «трансценденцию различий», но она имеет метафизический характер, а не географический, культурный или какой-либо еще более приземленный. Различия суть разграничения, их нельзя просто взять и отменить. Преодолеваются они только через понимания природы их иллюзорности. С традиционной точки зрения Единство может быть только в Духе и в Истине. Никакое насильственное объединение по любому частному признаку не есть единство, оно всегда будет объединением индивидов под властью иллюзорной ценности или интереса.

Заключение

Единообразие, которое при современном состоянии мира в человеческой действительности проявляется как эгалитаризм или как «массы», по сути есть следствие изменений ментальности, произошедших в западной цивилизации.

Язык традиционных культур непонятен для западной ментальности, поскольку перевод на западные языки оказывается упрощением. Традиционный язык метафизических доктрин символичен. Символ многогранен, синтетичен. Он существует только в сплетении бесконечных отсылок и умалчиваний, чтение символического языка предполагает другой интеллект, не аналитический. Словарный перевод разрушает все эти сплетения и многозначность. Остается скелет, который «нечитаем». Метафизические традиционные доктрины не есть философия в современном западном смысле не только из-за различия в принципах строения языка. Различаются и цели этих разных форм знания.

Рациональность относится к ментальному уровню, она не может быть универсальной. Само слово «ментальность» происходит от *мнить* (думать, воображать, помнить), которое в свою очередь того же корня, что и санскритское слово *manas*, что означает индивидуальный разум. В русском языке это слово того же корня, что и мнение. Любопытно, что во французском *mentir* означает врать. Возможно, что это слово также связано этимологически с греческим словом *мантика*. Мнение всегда индивидуально не только потому, что его носитель индивид, но и потому, что оно бытует в сфере множественности, оно изменчиво, ситуативно и поэтому не может быть универсальным. Универсальна только истина, насколько она может быть открыта в мире человека. Взгляд на истину как на универсальную и синтетическую при-сущ традиционной культуре. Частные науки рассматриваются только как «места» ее приложения, а не как собственное место ее бытования [Ponte 2017]. Наука тоже имеет в идеале ценность истины, некий синтез знаний, но этот идеал никогда не достигается. Частные единства (объединения) возникают и исчезают во всех областях жизни и культуры. Единое остается в этом мелькании единообразных единиц пустой идеей.

В заключение можно отметить, что привести к рациональной согласованности рассмотрение проблемы рациональности и науки, ее исторического, культурного, социологического, логического и методологического аспектов без учета точки зрения метафизики

невозможно. Отказ философии от метафизики привел к утрате единства не только в познании, но и на всех уровнях существования человечества.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Башляр 1987 – *Башляр Г.* Новый рационализм. – М.: Прогресс, 1987.

Башляр 2016 – *Башляр Г.* Актуальность истории науки // Эпистемология и философия науки. 2016. № 2. С. 220–232.

Вебер 2016 – *Вебер М.* Рациональные и социологические основания музыки // *Вебер М.* Избранное: Образ общества. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 492–577.

Генон 2013а – *Генон Р.* Демиург // *Генон Р.* Наука чисел. – СПб.: Владимир Даль, 2013.

Генон 2013б – *Генон Р.* Принципы исчисления бесконечно малых // *Генон Р.* Наука чисел. – СПб.: Владимир Даль, 2013.

Генон 2013в – *Генон Р.* Слово и символ // *Генон Р.* Наука букв. – СПб.: Владимир Даль, 2013.

Кант 1994 – *Кант И.* Критика чистого разума / пер. с нем. Н.О. Лосского. – М.: Мысль, 1994.

Легенда о докторе Фаусте 1978 – *Легенда о докторе Фаусте* / под ред. В.М. Жирмунского. – М.: Наука, 1978.

Bornaglio 2017 – *Bornaglio D.* Un “Grande Disegno” mistificatorio. Aspetti dissolventi nella fisica moderna // *Rivista di Studi Tradizionali. Nosce te Ipsum.* 2017. No. 108. P. 67–101.

Bornaglio 2018 – *Bornaglio D.* Antinomie e tendenze dissolutive nella matematica moderna // *Rivista di Studi Tradizionali. Nosce te Ipsum.* 2018. No. 110. P. 53–74.

Lindsay 1986 – *Lindsay J.* Les origines de l’alchimie dans l’Égypte gréco-romaine. – Monaco: Le Rocher, 1986.

Ponte 2017 – *Ponte G.* Conoscenza tradizionale e scienze moderna // *Rivista di Studi Tradizionali. Nosce te Ipsum.* 2017. No. 108. P. 103–112.

REFERENCES

Bachelard G. (2016) The Actuality of the History of Sciences. *Epistemology and Philosophy of Science.* No. 2, pp. 220–232 (Russian translation).

Bachelard G. (1987) *New Rationalism.* Moscow: Progress (Russian translation).

Bornaglio D. (2017) Un “Grande Disegno” mistificatorio. Aspetti dissolventi nella fisica moderna. *Rivista di Studi Tradizionali. Nosce te Ipsum.* No. 108, pp. 67–101 (in Italian).

Bornaglio D. (2018) Antinomie e tendenze dissolutive nella matematica moderna. *Rivista di Studi Tradizionali. Nosce te Ipsum.* No. 110, pp. 53–74 (in Italian).

Guénon R. (2013a) Demiurge. In: *Science of Numbers*. Saint Petersburg: Vladimir Dal' Pub. (Russian translation).

Guénon R. (2013b) Metaphysical Principles of the Infinitesimal Calculus. In: *Science of Numbers*. Saint Petersburg: Vladimir Dal' Pub. (Russian translation).

Guénon R. (2013c) Word and Symbol. In: *Science of Letters*. Saint Petersburg: Vladimir Dal' Pub. (Russian translation).

Kant I. (1994) *Critique of Pure Reason*. Moscow: Mysl' (Russian translation).

Lindsay J. (1986) *Les origines de l'alchimie dans l'Égypte gréco-romaine*. Monaco: Le Rocher (French translation).

Ponte G. (2017) Conoscenza tradizionale e scienze moderna. *Rivista di Studi Tradizionali. Nosce te Ipsum*. No. 108, pp. 103–112 (in Italian).

Weber M. (2016) The Rational and Social Foundations of Music. In: Weber M. *Selected: the Image of Society* (pp. 492–577). Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ (Russian translation).

Zhirmunsky V.M. (Ed.) (1978) *The Legend of Doctor Faust*. Moscow: Nauka (Russian translation).